

К о п и я.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

САФАРОВА, Георгия Ивановича,

от 23 декабря 1934 года.

На поставленные мне следствием вопросы о моем участии в антисоветской работе московского центра зиновьевской организации показываю:

Несколько дней мне потребовалось на то, чтобы "одолеть сомнение" - могу ли я, принимая на себя всю политическую ответственность за чудовищное преступление контр-революционных заговорщиков, в то же время ставить под ответственность людей, менее меня политически - развитых. Сомнение это плод того, что было выношено преступной борьбой контр-революционной оппозиции против партии, плод и пережиток той гнусной круговой поруки, которая оказалась почвой, вскормившей убийц. В партию я вернулся после подачи заявления в ЦКК, как мне думалось искренно. На деле же контр-революционная проказа оставила на мне свои следы. 1928-29 г. я работал в Саратове в Крайзу и с/х кооперации и у меня не было ни малейших помыслов о возврате в старый тупик. Первые годы работы в Коминтерне прошли в усиленной работе в КИ и думаю, что следует считать 1932 г. - годом моего засасывания контр-революционной антипартийной тиной. Как раз в переломное время перехода от первой ко второй пятилетке старая проказа вышла со своими язвами наружу. Началось дело с разговоров о МАДЬЯРОМ, бывшим наиболее близким мне по работе и по прошлой связи с моей антипартийной деятельностью. Линия партии характеризовалась в наших разговорах вдвоем, как линия утраченного равновесия, как качка, грозящая смычке пролетариата и крестьянства. Если бы троцкисты-говорилось в этих разговорах - провели свою линию в крестьянском вопросе, то, наверно, были не худшие последствия. Правые - говорилось мною - не могли бы пойти дальше в деле бюрократического пренебрежения к повседневному интересам рабочих. "Линия Коминтерна определялась, как полное отсутствие линии, ЦК этим заштатным учреждением /выражение на-

ше/ не интересуется, партии идут вниз, никакого руководства, без "идейность". Как-то МАДЬЯР сообщил, что повидимому, как он судит из разговора с ЛОМИНАДЗЕ, о котором он часто встречался, леваки пишут платформу. ВАРДИН, который был в подобных же настроениях, из разговора со мной узнал об этом и побежал к ЛОМИНАДЗЕ. Как потом выяснилось, ЛОМИНАДЗЕ очень всполошился, стал допытываться откуда это идет. Так как МАДЬЯР проис^ил не говорить ему, что это исходит от МАДЬЯРА, то когда пришел ко мне ЛОМИНАДЗЕ, я ему ответил уклончиво, а в то же время зашел разговор о делах: я высказал ему свои соображения о положении в уже изложенном духе. Он, прежде всего, спросил: убежденно ли я писал о "ломинадзевщине" в своей книге "Проблемы национально-колониальной революции", вышедшей в 1931 г. Я ответил, что тогда так думал, теперь написал бы иначе. После этого ЛОМИНАДЗЕ выразил общее согласие с высказанной мною оценкой положения, но предложил быть осторожнее, в особенности никому ничего не говорить о какой-то изготовляемой платформе: ее, в действительности, нет.

Поскольку припоминаю, к этому времени относятся мои встречи и разговоры с Сергеем МРАЧКОВСКИМ и И.Н. СМЕРНОВЫМ. МРАЧКОВСКИЙ приехал в Москву по делам своей дороги. Встретил меня - сначала я /это должно быть были угрозы/ жалких остатков партийной совести/ рассказал ему, что ТРОЦКИЙ и его единомышленники за границей превратились полностью в агентуру ВАНДАРВЕЛЬДЕ, что, стоя на принципиальной почве, нужно признать, что по вопросу строительства социализма в одной стране правота оказалась целиком на стороне СТАЛИНА, что прогноз о термидоре оказался никудышным. Но - продолжал я - отсутствие внутрипартийной демократии, бюрократический отрыв от масс обесиливают партию и превращают ее линию в стихийно-складывающуюся равнодействующую. Вывод, который я делал, гласил: надо иметь мужество, пусть двум десяткам старых большевиков открыто обратиться в ЦК за коллективными подписями с изложением взгляда на вещи. За эту "правду" стоит пострадать. - МРАЧКОВСКИЙ неохотно поддакивал /очевидно, чтобы не порвать разговора/ в той части, где я говорил о банкротстве троцкизма, согласился с оценкой по-

ложения, добавив от себя, что зажим — дальше некуда. Что же касается выводов, то об них, он сказал, — нужно подумать. Видаюсь ли я с ЗИНОВЬЕВЫМ и ЕВДОКИМОВЫМ? — спросил он. Я сказал, что до сих пор нет. Он пожалел. После была встреча с И.Н.СМИРНОВЫМ, с которым разговор был повторением. К этому времени, МАДЬЯР сообщил, что меня хотел бы видеть ЗИНОВЬЕВ И назначил время и место /Ильинское, у ЗИНОВЬЕВА на даче/. МАДЬЯР поддерживал отношения с ЗИНОВЬЕВЫМ довольно частые, но определенно о своих встречах говорил мало, передавал больше слышанные сплетни о трудностях. На даче в Ильинском я встретил ЗИНОВЬЕВА, и мы пошли в сад. Разговор начался с положения дел в КИ. Я высказал тот взгляд, что партии потеряли чутье действительности, твердят лишь "Социал-фашизм — главная опасность" пока дело не дойдет до ручки и тогда начнут сочинять что-нибудь вроде Англо-Русского Комитета, не умея проводить ленинскую тактику единого фронта.

ЗИНОВЬЕВ: Да, МАДЬЯР говорил мне. "Я так-же думаю. Ну, где же МАНУИЛЬСКОМУ и ПЯТНИЦКОМУ руководить КИ?"

Затем разговор перешел на положение в стране. Я говорил: об угрозе размычки, о том, что партия лишена возможности проверять свой курс. Что секретари на местах делают всяк по своему. Говорил я, что и бывшие троцкисты "многому научились" /МРАЧКОВСКИЙ, И.СМИРНОВ/. Передал об их поддакивании насчет оппозиционной "ошибки" в вопросе о социализме в одной стране. ЗИНОВЬЕВ тут перебил: "Ну, да, ну, да! Разве в этом сейчас дело? Сейчас все могут найти общий язык". Вывод мой о том, что нужно выступить перед ЦК с заявлением — оценкой положения был встречен ЗИНОВЬЕВЫМ так — "Что ЦК, ЖДАНОВЫ будут решать? Вот видел я недавно по одному литературному делу, ТОМСКОГО — Совершение согласен с нами. Говорит: жалкое зрелище. Ему там бывать приходится. И потом: Вы знаете эту азиатскую манеру, — в ухо яд может влить и не заметишь". речь идет о И.В.СТАЛИНЕ. Эта фраза не раз была произнесена им в 1925-27 г. — "Сочинит ама амальгаму". Низость моего падения отразилась в том, что я не только не протестую, выслушал эту гнусную фразу, но спросил: А как же Вы, Ваше зиновьевская колония, живете так в открытую, что из одного угла Москвы в другой слышно кто что говорит? Лучше подать заявление группы старых членов партии в ЦК, чем

шептаться так". ЗИНОВЬЕВ сказал: "Вы всегда торопитесь. Вот у Льва Борисовича /КАМЕНЕВА/ есть набросок СТЭНА. Повидайтесь с КАМЕНЕВЫМ и ознакомьтесь. Кстати - СТЭН - очень умный малый. Я узнал его поближе. Вот ломинадзовская молодежь - лучший актив СТАЛИНА, и она тоже недовольна положением. Нам надо видаться почаще, можно сговориться через МАДЬЯРА. Повидайтесь с ЕВДОКИМОВЫМ". На этом свидание кончилось. После этого я был у ЕВДОКИМОВА, но для разговора он назначил свидание у меня. Жена, от которой я занимался втайне всей этой контр-революционной заговорщической деятельностью, после того, как увидела уходящим из моей комнаты ЕВДОКИМОВА, спросила: "Что-же ты опять за старое?" Я стал ее разуверять. Разговор с ЕВДОКИМОВЫМ касался общей оценки и не внес ничего нового. Резюме ЕВДОКИМОВА: "Хорошо, что снова говорим друг с другом не как собаки". Между прочим, и ЗИНОВЬЕВ на свидании у себя на даче, возражая против "поспешного решения" об обращении в ЦК, сказал: "Смотрите сколько времени понадобилось - года! - чтобы мы с Вами сошлись на этом срубленном пне /на котором мы сидели/". Это следовало, конечно, понимать так, что "время работает на нас". С КАМЕНЕВЫМ я не виделся и Стэновской платформы не видел. О содержании ее - "лишь по слухам" - говорили мне не то МРАЧКОВСКИЙ, не то СМИРНОВ: центр ее, мол, требование внутрипартийной демократии, ослабление темпов индустриализации, но "насчет колхозов что-то не ладно, предлагают распустить совхозы и колхозы".

В ту же пору я заехал в Дангауровку к ГЕРЦВЕРГАМ /он и М.ПОЗДЕЕВ/ и развивал свои антипартийные взгляды.

МРАЧКОВСКИЙ при второй встрече - примерно в середине 1932 г. если не ошибаясь на квартире у СМИРНОВА спросил: "А ты не был у Енички /Евр.А.ПРЕОБРАЖЕНСКОГО/". Теперь естественно выходит, что к ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ я попал по путевке МРАЧКОВСКОГО, но тогда я пошел как бы для проверки себя, так как в минуты, когда я отходил от своего антипартийного бешенства, я остро чувствовал, что куда-то лечу в пропасть, из которой еще недавно с большим напряжением вылезал. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ к которому я пришел приблизительно осенью 1932 г. на мой тезис об угрозе размычки, ответил, что никто ничего другого, кроме того, что делает

партия, предложить не может, социалистическая же переделка крестьянства не может быть достигнута без ряда трудностей и напряжений. По вопросу о внутрипартийной демократии он также отбросил мои доводы, сказав, что в данной классовой обстановке партия делает все, что нужно.

Когда МРАЧКОВСКИЙ уезжал из Москвы, кажется в середине, или осенью 1932 г. Его вагон провожать пришли; я, СМЕРНОВ, ЕВДОКИМОВ, был также Петр ПЕРЕВЕРЗЕВ. Там же был ВАГАНЬЯН, с которым тут же МРАЧКОВСКИЙ "примерил" меня /мы с ним из-за старых споров не здоровались/. Придя в вагон позднее других, я нашел там всех перечисленных. О том, что ЕВДОКИМОВ близко сошелся с МРАЧКОВСКИМ и И.Н.СМЕРНОВЫМ я не знал, так как в разговорах со мной и он, с одной стороны, и МРАЧКОВСКИЙ, с другой, всячески старались не показать вида, что у них есть прямая связь. Это было настолько неожиданно, что даже МРАЧКОВСКИЙ, заметив мое удивление, сказал: "Ну, не смущайся, все - свои". Затем шли перешептывания в разных углах с повторением в разных вариантах выражения: "Наш колхоз". Когда стали прощаться, МРАЧКОВСКИЙ сказал: "Захочешь - написать, поплещь с okazjiей. Тут часть нашего колхоза остается. Найдешь И.Н.СМЕРНОВА, или вызовешь вот ее" /тут была какая-то женщина, звали ее уменьшительно, забыл как. Был дан ее телефон, который я потерял, - он был записан на бумажке/.

Одно из свиданий было назначено мне МРАЧКОВСКИМ на квартире у УФИМЦЕВА, но МРАЧКОВСКИЙ не пришел.

Не могу точно установить даты, но кажется осенью 1932 г., меня встретила у здания К.И. Муська НАТАНСОН и стала спрашивать о моих взглядах: я развил перед нею те самые контр-революционные взгляды, о которых уже писал.

Примерно, в той же плоскости шел разговор с Андреем ТОЛМАЗОВЫМ и СЕРЕДОХИНЫМ, пришедшими ко мне в КИ: "Коминтерн без руля и без ветрил, угроза размычки, нет средств помочь исправлению курса". Дату этого разговора установить затрудняюсь, но помню, что ТОЛМАЗОВ и, особенно, СЕРЕДОХИН начали с приветствия, что "вот как будто у тебя есть договоренность с ЗИНОВЬЕВЫМ".

В 1930 г. у меня на квартире были резкие столкновения с РУМЯНЦЕВЫМ, КОТОЛЫНОВЫМ и НАУМОВЫМ, которые осуждали только что принятое решение ЦК о повышении цен на животноводческие продукты, как уступку зажиточной верхушке деревни в ущерб рабочему.

РУМЯНЦЕВ, после резких моих столкновений с ним в 1929-1930 г.г., со мной встретился в КИ только в 1931 г., когда он приехал с приглашением МАДЬЯРА в Выборгский Дом Культуры с докладом. Он предлагал и мне ехать с докладом. Тогда эта встреча была мимоходом и не помню, чтобы был политический разговор.

КОТОЛЫНОВА я видел не то раз, не то два - в 1931, 1932 г. в Ленинграде, когда заходил к нему на квартиру во время приездов в Ленинградский Восточный Институт. Не могу в точности припомнить, но, вероятно, я освещал ему в антипартийном духе положение в Коминтерне. Вероятно, он и ТАРАСОВ были у меня в Москве пару раз в 1932-33 г.г.: Обстоятельных политических разговоров с ними не было, но общий тон и содержание отдельных замечаний и высказываний с моей стороны были антипартийными.

Так или иначе, самую детальную информацию о моих антипартийных установках и взглядах РУМЯНЦЕВ, КОТОЛЫНОВ и друг. могли почерпнуть из регулярных информации зиновьевских руководителей, из информации М.НАТАНСОН, из сообщений ТОЛМАЗОВА и СЕРЕДОХИНА.

В 1932 г. и, возможно, в начале 1933 г. я был два раза у И. СМИЛГИ. Один раз - когда он еще работал в Госплане СССР. К СМИЛГЕ я пришел с изложением своих контр-революционных взглядов. Он поддержал тезис о размычии, рассказывал, что в Госплане он защищал "колхозный НЭП", что нужно поднять хлебные цены и дать совершенно свободный выход колхозам на рынок. Когда я выразил сомнение - не будет ли это капитуляцией перед кулаком, он быстро перешел к "делам дворцовым", как он выразился, говорил, что не нужно пороть горячку, что нужно выждать, "пока в ЦК столкнутся враждебные группы", - Указывал, что он "восхищается редким умом экономиста у КАМЕНЕВА", с которым он издает мемуары и друг. издания "Академии".

Второй раз я был у СМИЛГИ перед его направлением в Среднюю Азию. Он был очень напуган и все время повторял: "Подожди Жорж, пока они без нас раздерут

ся". Это была песня, которую тянули все зиновьевцы, постоянно заостряя вопрос о смене руководства, неизбежности привлечения их к руководству и т.д..

Должен добавить, что после разгрома стеновско-рютинской контр-революционной организации, я приходил к СМІРНОВУ с вопросом: "Что же делать, если партия поймает нас с поличным? Садиться за кулацкие рютинские взгляды и так недостойно увиливать как ЗИНОВЬЕВ перед ЦКК? Не лучше ли сразу обратиться в ЦК со своим политическим заявлением, отличным от рютинской позиции?" /По существу - это конечно, была одна общая контр-революционная позиция всех бывших, поднявших знамя борьбы против партии/. СМІРНОВ ответил, что пусть уж каждое "хозяйство" решает за себя. Он бы сказал на допросе, что рютинцы - жертва Сталинского режима. Было заметно, что он и его компания решили свернуться и не выдавать своих секретов.

В то же, примерно, время я высказывал МАДЬЯРУ свое возмущение бесхарактерностью ЗИНОВЬЕВА и дипломатией СМІРНОВА. Говорил, это и ЕВДОКИМОВУ, с которым виделся.

МАДЬЯР в этот период встречался с ЛОМИНАДЗЕ - тот был подавлен "происшествием" со СТЭНОМ, которое об"яснял "методами ГПУ". О зиновьевских делах и надобностях ЗИНОВЬЕВА в ссылке МАДЬЯРА постоянно осведомлял ГОРШЕНИН, через которого МАДЬЯР передавал свою информацию ЗИНОВЬЕВУ и К-о, в том числе, очевидно, и моих настроениях.

Я скатился на самое глубокое дно той внутренней эмигрантщины, прикрытой партийным билетом, которая создала в узкой кучке перерожденцев атмосферу неистребимой и неугасимой враждебности к Ленинско-Сталинскому руководству партии. Из года в год, из месяца в месяц, от одного разговора к другому культивировалась бешенная ненависть к И.В.СТАЛИНУ, к членам Полит.Бюро. Постоянно, по всякому случаю и поводу ставился вопрос о непригодности этого руководства, о том, что первое серьезное испытание неизбежно вызовет в нем распад, столкновение враждующих групп из-за власти. Люди приучались к тому, чтобы ловить каждую сплетню, каждый контр-революционный слухок о разногласиях и борьбе в ЦК. Люди приучались систематически к тому, чтобы видеть в тысяче-кратных банкротах - контр-революционных вождах весь смысл Октябрьской

революции, весь смысл борьбы за коммунизм, который они протуировали до самой подлой, самой низкой фашистской карикатуры. ТРОЦКИЙ за границей, в печати подлых собак буржуазии и убийц рабочих изображал Советский Союз, как переродившееся буржуазно-бюрократическое государство. А ЗИНОВЬЕВЫ и иже с ними повторяли тоже самое на свой лад, передавая по цепочке своей контр-революционной организации всю эту гнусность. Я с оговорочками о правоте ЦК в вопросе о победе социализма в одной стране — пришел к политическому сговору с этой мразью, став одним из ее приводных ремней. Еще со времен антипартийной борьбы 1925-28 г.. ЗИНОВЬЕВ любил повторять: "Мы всегда можем составить ЦК, таких людей у СТАЛИНА нет". А нити к пуле, поразившей великого большевика КИРОВА, идут от каменевского теста на новый год в 1926 г. во время XIV съезда "за борьбу с фашистскими методами в СССР", от борьбы на фабриках и заводах Ленинграда после XIV съезда, от криков о "выброшенных на улицу 2.000 оппозиционных пролетариев", от борьбы с партией под руководством ТРОЦКОГО в 1926-27 г., от 7 ноября, от подпольных чаепитий, "информаций", сплетен и "свиданий", от широкого развертывания контр-революционной деятельности, особенно в 1932-33 г., от наездов "информаторов" в Ленинград и т.д., и т.п.. ЛЕНИН учил, что политический руководитель отвечает не только за себя, но и за своих сторонников. Контр-революционное двурушничество, ставшее системой подпольного воздействия на жизнь партии, неизбежно должно было перерасти и переросло в контр-революционный бандитизм.

Я несу ответственность во всей полноте за РУМЯНЦЕВА и КОТОЛЬНОВА, ибо, они воспитывались под моим воздействием с 1924 г., когда я был партруководителем Губкома молодежи. Они под моим руководством организовали в 1925 г. на ленинградской парт.конференции антипартийную встречу представителю ЦК партии. Они под моим руководством прошли всю школу троцкистской борьбы с партией. Из Ачинской ссылки я питал их контр-революционными идеями через того-же верткого МАДЬЯРА. Позднейшее мое возвращение в зиновьевские ряды с реляцией зиновьевцев: "Даже бешенный пришел к нам" должно было разжечь их контр-революционную активность.

Думаю, что с половины 1933 г. я почувствовал, как далеко залез в контр-

революционную трясину. Я убедился, что только Ленинско-Сталинский ЦК во главе со СТАЛИНЫМ знает как вести страну к социализму через препятствия и преграды. То, что мы, контр-революционные банкроты, называли качкой, было в действительности стальной большевистской твердостью. Потеряв способность отличать революцию от контр-революции, мы не только утратили всякую элементарную устойчивость, но и переродились настолько, что потеряли способность отличать линию от качки. Я пытался больше, с годовой, зарыться в работу, но, конечно, не имел мужества прийти к партии как сознавшийся преступник. Я просил ЦК перебросить меня на другую работу, чувствуя, что я ушел от великой жизни социалистической родины, от творчества миллионов, от их подлинных запросов и интересов. Глупец, я думал, что можно из работы над проблемами национально-колониальной революции сделать убежище, пристанище от угрызений остатков партийной совести.

Я пишу об этом не для того, чтобы подыскать хотя бы самое ничтожное оправдание себе. Это только об"яснение, оттеняющее и усиливающее мою ответственность. Если бы подлое гнездо было разорено раньше, не совершилось бы убийство, превзошедшее по своей гнусности убийства Карла ЛИБКНЕХТА и Розы ЛЮКСЕМБУРГ. У партии и Советской власти, во имя борьбы в ее рядах до 1924 г. я прошу, как милости, самой жесточайшей кары.

Написал собственноручно - Г. САФАРОВ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ 1 ОТД СПО ГУТБ НКВД - ПЕТРОВСКИЙ

В е р н о: